

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВОВЕДЕНИЕ

Индекс УДК I (091)
Код ГРНТИ 00.09; 00.11
DOI: 10.22204/2587-8956-2023-115-04-59-73

**И.Д. ОСИПОВ,
А.Е. РЫБАС***

Теоретическое наследие ленинградско-петербургской философии

Анализ теоретического наследия философской науки в Ленинграде—Петербурге представляется актуальным для лучшего понимания особенностей становления и формирования философии в России. В городе были различные философские школы и направления (философии науки и культуры, социальной философии и истории философии), которые оказали значительное влияние на философскую науку в стране. Принципиальное значение имеют конкретный анализ институциональных и социокультурных аспектов становления философской культуры в Санкт-Петербурге, изучение важнейших результатов творчества философов города, форм и методов освоения ими мировой философской мысли, ибо тем самым существенно расширяются знания теоретических и аксиологических особенностей отечественной философии и культуры.

В статье обращается внимание главным образом на философию науки и культуры в Ленинграде—Петербурге второй половины XX – начала XXI в., так как именно эти философские дисциплины обусловили процесс существенной трансформации философского знания от догматического марксизма к множеству различных продуктов философского творчества. Авторы анализируют идеи представителей Ленинградской школы философии науки В.И. Свидерского, В.П. Бранского, В.П. Тугаринова и В.А. Штофа, которые посредством синтеза актуальных в Европе XX в. научно-философских концепций и оригинально истолкованного марксизма предложили выход на другие философские проблемы, инициировав тем самым появление новых философских дисциплин. Кроме того, рассмотрены особенности формирования в Санкт-Петербурге философии культуры, представленные в исследованиях М.С. Кагана, Ю.Н. Солонина, Е.Г. Соколова, В.В. Савчука, А.В. Демичева, Э.В. Соколова и В.Ю. Сухачёва, а также становление и развитие истории русской философии благодаря работам А.А. Галактионова, П.Ф. Никандрова и А.Ф. Замалеева.

* **Осипов Игорь Дмитриевич** — доктор философских наук, профессор кафедры истории философии Института философии Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), руководитель проекта «Теоретическое наследие философии в Ленинграде—Петербурге. Вторая половина XX века» (20-011-00144).

E-mail: idosipov@mail.ru

Рыбас Александр Евгеньевич — кандидат философских наук, доцент кафедры русской философии и культуры Института философии СПбГУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: arybas@spbu.ru

Ключевые слова: философия науки, философия культуры, культурология, советский марксизм, личность, свобода, история русской философии

Ленинградская школа философии науки

Если рассматривать теоретическое наследие ленинградско-петербургской философии второй половины XX в. как закономерный результат систематического продумывания определённого круга проблем, актуальность которых сохраняется и в настоящее время, то нельзя не отметить ту особую роль, которую сыграла в этом процессе философия науки. Появившийся в середине XX в. среди широких кругов ленинградских гуманитариев интерес к философии науки привёл не только к образованию соответствующего направления в советской философии, но и к открытию новых предметных областей философского знания. Из, казалось бы, узкоспециализированного дискурса, строго регламентирующего как содержание, так и методологию исследования, а именно из философии науки, вырастают тематически разнообразные формы философствования, охватывающие целый ряд новых, с точки зрения официального советского марксизма, проблем: синергетики, антропологии, аксиологии, философии сознания, культурологии, социальной философии, футурологии и т.д., вплоть до проблематики экзистенциализма и танатологии.

Причина, в силу которой философия науки стала источником появления столь различных дисциплин, кроется, с одной стороны, в том, что советская идеология, особенно в период «оттепели», была достаточно лояльной к науке и даже способствовала тому, чтобы советские философы в своих работах учитывали современные достижения научного знания, а с другой — в специфике научного знания и той «картины мира», которая сложилась в европейской философии науки в середине XX в., особенно в её позитивистской трактовке. Кроме того, обращаясь к проблематике

философии науки, советские философы получали возможность максимально реализовать свою свободу творчества. Как известно, в условиях идеологического господства марксистской философии, понимавшейся как «последовательно научное философское мировоззрение, а также общая методология познания объективного мира» [1, с. 726], апелляция к науке и требование прояснения принципов научности философского мышления выглядели вполне законными. Поскольку «образцом» научного познания считались науки точные и естественные, то именно естествознание стало ареной для самых новаторских философских экспериментов. В.П. Бранский, один из важнейших представителей Ленинградской школы философии науки, писал об этом: «Так как в советское время все исследования в области философских дисциплин находились под строгим и неусыпным идеологическим контролем со стороны партийных органов, свобода научно-исследовательской деятельности могла быть обеспечена только там, где эта деятельность была очень далека от социальных проблем. Именно такой областью оказалась философия современного точного естествознания, ядром которой была философия физики... Таким образом, философия физики стала тем уникальным бастионом свободы, находясь в котором, можно было разрабатывать практически любые идеи, не оглядываясь на партийные органы. Ничего подобного не существовало в других сферах содержательного философского знания» [2, с. 47].

Конечно, подлинное философское творчество было возможным в то время лишь в ограниченном и замаскированном виде, т.е. выступало в форме научного познания «законов» или «наиболее общих характеристик» объективной реальности. Но, тем не менее, это был вполне самостоятельный

опыт мышления, требующий от философа ответственности за принятие решений и отстаивание полученных результатов. Неудивительно, что проблематика философии науки стала привлекать к себе внимание наиболее талантливых интеллектуалов своего времени, а также харизматических личностей и организаторов, и в результате на философском факультете Ленинградского государственного университета (ЛГУ) сложилась благоприятная атмосфера для дискуссий, предполагающих «свободное, творческое взаимодействие учёных» [3, с. 5].

Можно выделить основные тематические блоки, появившиеся вследствие попыток философского осмысления теоретических и практических достижений научно-технической революции и определившие содержание дискуссий на философском факультете ЛГУ во второй половине XX в. Это, во-первых, обоснование важной роли «субъективного фактора» в когнитивном описании объективной реальности; во-вторых, идея моделирования объекта в процессе его познания; в-третьих, теория идеала как необходимого компонента научной истины. Каждый из этих тематических блоков, изначально возникший в процессе решения актуальных вопросов философии науки, впоследствии, по мере развития соответствующих идей и концептов, стал основанием для творческого расширения философского интереса, появления новых тем и сюжетов. Так, тезис о важности субъективного фактора в научном познании трансформировался в доказательство необходимости понимания человека как личности, что, в свою очередь, открыло простор для развития персонологии, акмеологии и философской антропологии. Идея моделирования объекта в научном познании при её дальнейшем продумывании привела к тезису об универсальности этого процесса: было показано, что моделирование свойственно не только научно-познавательным практикам, но и всем формам социокультурного общения. Теория моделирования, таким

образом, стала использоваться в более широком контексте — для демонстрации возможности не только объяснения, но и понимания, что привело в итоге к проблемам философской герменевтики, философии сознания [4] и теории коммуникации [5]. Наконец, диалектика идеала и научной истины стимулировала разработку аксиологической проблематики, что в той или иной степени способствовало постановке целого ряда новых вопросов социальной философии (например, концепция гуманной цивилизации [6], идеи многополярного мира), а также появлению особой дисциплины — культурологии [7].

Начало теоретическому оформлению Ленинградской школы философии науки положил Владимир Иосифович Свидерский (1910–1994) (фото 1), доказывавший необходимость системного представления объекта. Он исходил из того, что «мир как движущая материя представляет собой... бесконечное многообразие пребывающих процессов, находящихся во взаимной связи и взаимообуславливающих друг друга, переходящих друг в друга и т.д., причём все конкретные состояния в мире, их связи и отношения в силу относительности и противоречивости движения — преходящи и противоречивы» [8, с. 10]. Отсюда следовала задача — найти такой способ описания становящейся объективной реальности, который позволил бы зафиксировать единство в многообразии и уловить закономерности перманентных трансформаций. Для решения этой задачи В.И. Свидерский стал использовать понятия «структура» и «элементы», сосредоточив внимание на выявлении научно-философских принципов анализа отношений между элементами внутри объекта, представленного в виде сложно организованной структуры, и между элементами и структурой как системным целым. Заметим, что, предлагая в качестве нововведения в марксистскую философию диалектику структуры и элементов, В.И. Свидерский отличал её от диалектики формы и содержания, утверждая, что причиной такого нововведения явля-

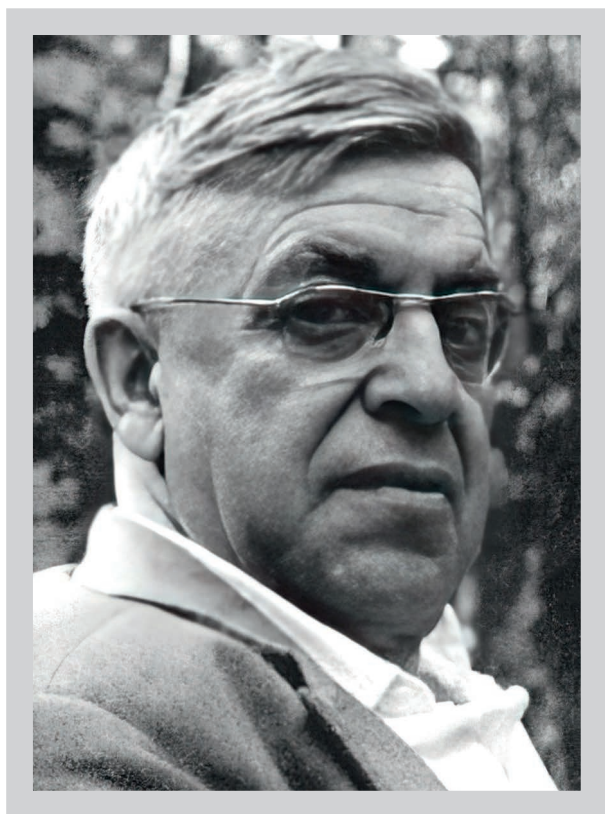

Фото 1. Профессор В.И. Свидерский

ется необходимость учитывать «некоторые новые диалектические представления, вытекающие из обобщения данных конкретных наук» [8, с. 12]. Практически во всех его работах отстаивается тезис об активности субъекта в процессе познания. Уже в докторской диссертации «О развитии пространственно-временных представлений в физике и их философском значении» (1955) он проводил мысль о том, что категории «пространство» и «время» нельзя трактовать упрощённо, считая их априорными формами чувственного созерцания (так как это ведёт к феноменализму и выводу о непознаваемости «вещей в себе») и догматически отождествляя пространство и время с бытием, т.е. материей (так как это ведёт к объективизму и наивному реализму — тем формам докритической философии, которые обуславливаются верой в совпадение порядка идей и порядка вещей). Согласно В.И. Свидерскому, пространство и время — это объективные формы существования материи, вечно движущейся

и изменяющейся, однако сами они не являются материей, а лишь позволяют субъекту, вовлечённому в процесс познания, фиксировать относительную устойчивость и постоянную трансформацию материальных образований, или объектов.

В исследованиях Василия Петровича Тугаринова (1898–1978) (фото 2) проблематика субъекта получает дальнейшее развитие и в итоге трансформируется в проблематику личности человека, его свободы, смысла жизни и оптимального общественного устройства, что предполагает моделирование общезначимого социального идеала. Его труды наряду с работами Э.В. Ильенкова, Н.И. Лапина, М.К. Мамардашвили и Г.С. Батищева сыграли особую роль в разработке проблемы личности в марксистской философии и способствовали совершенствованию методологии социальной философии. В.П. Тугаринов развивал новые для советской философии аксиологические исследования, изучал ценностные основания познания, идеальные и материальные феномены бытия человека и общества, лично-общественные коммуникации в культуре как мире ценностей. Он выявил основные черты «гуманной цивилизации»: плюралистический взгляд на мир, человека и общество, который обеспечивает свободу мысли и действий людей и не ведёт к анархизму в обществе и релятивизму в познании; формирование социальных институтов, способных гарантировать реализацию свободы; обеспечение благоприятных условий для творческого развития и нравственного совершенствования личности; критика буржуазной, эгоистической морали и образа жизни. В понимании В.П. Тугаринова исторический материализм Маркса приобретает экзистенциальный смысл, и в результате человек-рабочий осмысливается в контексте возможностей развития его внутреннего мира. С одной стороны, личность человека содержательно определяется внешними условиями его жизни, прежде всего положением и функцией в системе производства, но, с другой стороны, уро-

вень культуры и развития личности влияет на качество его работы, человек творчески относится к своему делу.

В.П. Тугаринов многократно подчёркивал, что личность не может всецело определяться внешними условиями, ибо человек по своей природе свободен. Именно свобода позволяет человеку ставить перед собой цели и стремиться к их достижению. Смысл жизни человека обуславливается свободно избранным идеалом, который, в свою очередь, детерминирует жизнь человека. В.П. Тугаринов настаивал на вариативности смысла жизни: этот тезис прямо следовал из утверждения о сложности и противоречивости окружающего мира, или объективной реальности, и высказывался как альтернатива упрощенческим метафизическим и религиозным трактовкам человека и единого для всех смысла жизни. Из того факта, что у каждого человека смысл жизни «свой», не следует, однако, что социальная жизнь как целое невозможна. Напротив, только при наличии социально-значимых идеалов, или всеобщей цели, у конкретного человека появляется действительный смысл его жизни, и содержательное определение этого смысла происходит в результате анализа диалектической взаимосвязи части и целого, а также индивидуального и социального. Тезис о вариативности смысла жизни подкреплялся также указанием на факт разнообразия человеческих личностей, каждая из которых имеет свою, относительную ценность. Безусловной шкалы ценностей, при помощи которой можно было бы ранжировать человеческое достоинство, как доказывал В.П. Тугаринов, не может быть, ибо не существует абстрактного человека, жизнь которого регулировалась бы единым, универсальным принципом. Исходя из этого он предложил определение смысла жизни как «сознательно поставленной цели, имеющей общественное значение и составляющей главный и постоянный интерес человека» [9, с. 6].

Размышления о смысле жизни человека закономерно приводили В.П. Тугарино-

Фото 2. Профессор В.П. Тугаринов, декан философского факультета ЛГУ (1951–1960)

ва к вопросу моделирования идеального общественного устройства, а также стимулировали его критическую рефлексию существующего положения дел. Ни современное В.П. Тугаринову социалистическое общество, ни тем более капиталистическое не соответствовали провозглашённым им идеалам. Реально существующего человека он характеризует как «человека, обладающего исторически обусловленной степенью разумности и ответственности перед обществом, пользующегося или способным пользоваться в соответствии со своими внутренними качествами определёнными правами и свободами, вносящего свой индивидуальный вклад в развитие общества и ведущего образ жизни, соответствующий идеалам его эпохи или класса» [10, с. 88]. В условиях капитализма человек вынужден преодолевать максимальное количество препятствий на его пути к личности. «Человек в современном буржуазном обществе, — писал В.П. Тугаринов, — отравляется не только отбросами, но и продуктами

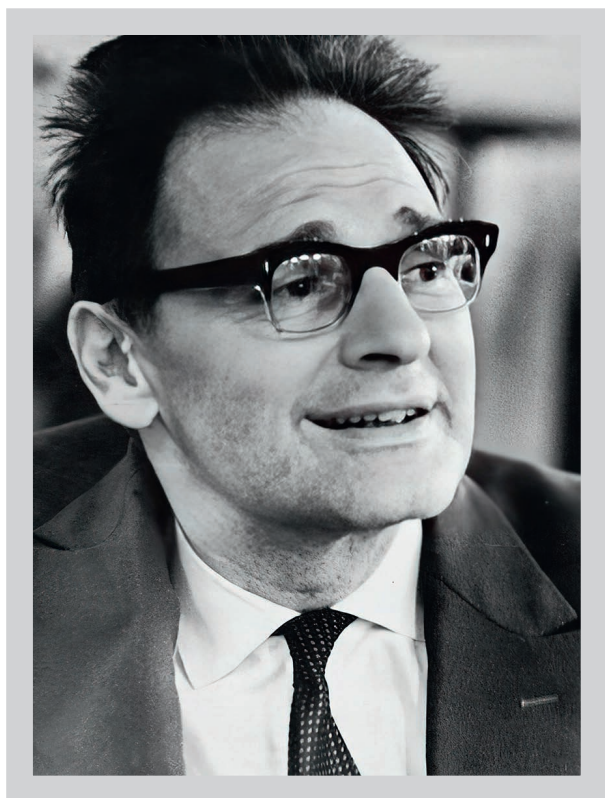

Фото 3. Профессор В.А. Штофф

буржуазной культуры, задыхается не только в выхлопных газах автомобилей, но и в ядах буржуазного образа жизни. Это образ жизни привёл к разгулу преступности, сексуализма, наркомании, к предельному упадку морали, к отвержению духовных ценностей, к культу роскошной и престижной жизни» [11, с. 65]. При социализме ситуация качественно меняется, поскольку реализованная в социалистическом обществе «наибольшая свобода даёт человеку возможность разносторонне развивать свою индивидуальность» [9, с. 24], однако и здесь говорить о достижении идеального общественного устройства не приходится. Социальный идеал — это цель, к которой нужно стремиться, и для того, чтобы реализовать этот идеал на практике, нужно обеспечить всестороннее и гармоничное развитие личности, воспитание её высокой моральности и ответственности. «Идея совершенствования человека, — делал вывод В.П. Тугаринов, — придаёт смысл всем теориям человека. Ведь если верно, что человек таков же, как его общество, то столь же

верно, что и общество будет таким, каким будет человек, живущий и действующий в нём» [11, с. 127].

Идея моделирования объекта исследования, или, точнее, использования концептуальных моделей в процессе научного познания, наиболее полно была разработана в трудах Виктора Александровича Штоффа (1915–1984) (фото 3). Он показывал, что моделирование объекта является существенным элементом самого познания, а не всего лишь вспомогательным, т.е. необязательным, эвристическим средством, которое применяется на этапе умозрительного, или теоретического, исследования. Научное познание, с этой точки зрения, становится принципиально гипотетическим, объект познания перестаёт мыслиться как нечто статичное и обладающее не зависящими от исследователя качествами, а представляет собой динамичную сложную систему отношений к другим объектам, с одной стороны, и к самому исследователю — с другой. Метод моделирования В.А. Штофф трактует предельно расширительно — как универсальный метод познания. «Под моделью, — писал он, — понимается такая мысленно представляемая или материально реализованная система, которая, отображая или воспроизводя объект исследования, способна замещать его так, что её изучение даёт нам новую информацию об этом объекте» [12, с. 19].

Таким образом, моделирование реализуется на практике не только как создание субъективно значимой схемы упорядочивания опыта, или потока эмпирических данных, но и как отражение объективной реальности. При выполнении соответствующих условий удобство представления сущего в качестве логически упорядоченной системы не препятствует его познанию, а, наоборот, во многом способствует ему. Отражение в данном случае является диалектическим, т.е. оно мыслится как сложный и противоречивый процесс взаимодействия чувственного и рационального познания, мыслительной и практической деятельности человека, как процесс, в ко-

тором человек не пассивно приспосабливается к внешнему миру, а сам воздействует на него, преобразуя и подчиняя его своим целям. Акцент на моделировании как принципе познания помогает В.А. Штоффу подчеркнуть активность субъекта, его заинтересованность в познании, которая, в свою очередь, обуславливается не только стремлением построить объективно истинную картину мира (как если бы в ней «не было человека»), но и сугубо человеческими, или же субъективными, причинами и мотивами.

Учение об идеале

Ленинградские философы науки, обосновывая тезис об активности субъекта в познании и разрабатывая концепцию моделирования объекта исследования, так или иначе выходили на проблематику идеала. В результате появилось учение об идеале как необходимом компоненте научной истины, а затем это учение, опять же, получило расширительную трактовку. В качестве примера приведём теорию идеала Владимира Павловича Бранского (1930–2017) (фото 4).

Отстаивая тезис о том, что учение о ценности, или аксиология, является высшим «этажом» философского здания, В.П. Бранский пришёл к выводу, что понятия «идеал» и «истина» существенно связаны друг с другом. Истина как соответствие знания объекту, каким он существует до, вне и независимо от человека, доказывается тем, что имеется «возможность появления в нашем сознании мысли о существовании независимой от знания реальности» [13, с. 521]. Что касается идеала, то «он даёт нам картину мира не таким, каков он есть, а таким, каким он должен быть согласно нашему желанию» [13, с. 522]. Диалектика сущего и должного раскрывается В.П. Бранским как указание на то, что идеал — это не заблуждение и не ложь, а важнейший момент познания: «Если заблуждение есть отклонение знания от истины вопреки желанию, то идеал является таким от-

Фото 4. Профессор В.П. Бранский

клонением соответственно желанию. Стало быть, в отличие от заблуждения, являющегося искажённым представлением о реальности, идеал есть точное представление о желаемом изменении реальности» [13, с. 522]. Поскольку научно познанная истина никогда не бывает абсолютной и человек не желает жить в условиях тотальной относительности, то неизбежно происходит идеализация реальности, и в результате научная картина мира получает целостность благодаря достраиванию к ней множества различных идеализаций. «Если не путать истину и идеал, — делал вывод В.П. Бранский, — то легко понять, что идеалов может быть сколько угодно, тогда как объективная истина может быть только одна. Другими словами, плюрализм идеалов не вступает в противоречие с монизмом истины» [13, с. 525].

В.П. Бранский ставит задачу создания «идеологии», считая её «учением о природе и универсальных закономерностях формирования и реализации идеала» [13,

Фото 5. Профессор М.С. Каган

с. 520], но, по сути, он выходит на новую философскую проблематику, стержнем которой являются вопросы культуры. Плюрализм идеалов, не исключающий, а дополняющий монизм истины, — это уже модель культуры, а не только описание процесса познания. Не случайно В.П. Бранский, развивая свою теорию идеала, всё больше внимания уделяет рассмотрению социально-философских, антропологических, эстетических, моральных и эстетических проблем. «Итак, значение категории идеала в философской системе, в конечном счете, состоит в том, что это понятие показывает, как в рамках данной системы можно ответить на вопрос о смысле человеческой деятельности. Дело в том, что понятие истины не в состоянии ответить на этот вопрос (вопреки довольно распространенному мнению). Истина не несёт никакой ответственности за её применение именно потому, что эту ответственность целиком принимает на себя идеал. По мере расцвета идеала деятельность, направляемая этим идеалом, наполняется глубоким

смыслом; по мере же его упадка она постепенно теряет этот смысл и становится бессмысленной» [13, с. 526].

Рождение культурологии

Диалектика идеала и истины, актуализированная в процессе философско-научных дискуссий, может рассматриваться как теоретический пролог к культурологии, институционально оформленной в 1990-е гг. Следует заметить, что новая философская дисциплина — культурология — появилась и развивалась в контексте строгой самокритики. Дискуссии о возможности культурологии, о её предмете и методе определили специфику философской жизни в СПбГУ в постсоветское время. И хотя высказанные позиции в этот период демонстрируют неоднозначность отношения к культурологии, вплоть до утверждения её псевдонаучности, тем не менее, на фоне общего кризиса постсоветской философской мысли, обусловленного некритическим усвоением западных моделей философского знания, идея культурологии как продукта «исключительно отечественного топоса» [14, с. 11] была своего рода нитью Ариадны, позволявшей сориентироваться в хаотическом нагромождении различных концепций и сохранить преемственность философской культуры. В связи с этим В.В. Савчук предложил рассматривать культурологию как адекватную современности «русскую философскую традицию в её реальном, а не историко-философском виде» [14, с. 13], а Е.Г. Соколов увидел в «абсурдности» культурологии эффективное средство борьбы против абсурдности современной жизни [15].

Особый интерес вызывают работы Моисея Самойловича Кагана (1921–2006) (фото 5), в которых зафиксирован процесс постепенной трансформации марксистской философии культуры в культурологию, которая, в свою очередь, стала требовать выхода на уровень более широких, синергетических исследований. Действительно, обнаруженная М.С. Каганом в результате проведённого им с марксистских позиций

«онтологического анализа» наличных «форм бытия» культура, «являющаяся изобретением и плодом деятельности человека, превращающая его двустороннее био-социальное существование в трёхстороннее — био-социо-культурное» [16, с. 12], стала рассматриваться им сначала как предмет особой науки — культурологии, призванной преодолеть упрощенческий синкретизм в понимании культуры, обусловленный простым суммированием данных биологии, психологии, социологии, культуроведения, философии и т.д., а затем инициировала междисциплинарные исследования.

Нельзя не упомянуть и о работах Юрия Никифоровича Солонина (1941–2014) (фото 6), в которых в равной мере затрагивается проблематика философии науки и культуры, а также представлен выход на её теоретическое и историко-философское осмысление. Как заметил Е.Г. Соколов, для Ю.Н. Солонина наука всегда была важнейшим культурообразующим фактором, «актантом которого является человек (учёный), в репертуаре которого не только “научные фикции”, действующие в пределах конкретной жизни, т.е. всегда-уже-расположенный в реальных габитуально-топологических пределах» [17, с. 677]. А значит, изучение науки, «уяснение её пределов, ресурсов, возможностей, оценка качества технологически-операционной и символической оснастки, всегда, наряду с собственно внутренне-научным, должно принимать во внимание и социально-антропологические, в том числе и культурные априори» [17, с. 677].

Немаловажную роль в развитии новых тенденций постсоветской философии сыграл и организованный Ю.Н. Солониным междисциплинарный Центр изучения консерватизма. Задачей Центра являлось всестороннее и конкретное изучение методологических и историко-философских аспектов консерватизма с целью обоснования его актуальности для постсоветской России. Согласно Ю.Н. Солонину, консерватизм сам по себе является творческой

Фото 6. Профессор Ю.Н. Солонин, декан философского факультета СПбГУ (1989–2010)

культурной силой. «Консерватизм, — писал он, — не только отдельные элементы социального анахронизма, но и те общественные и культурные ценности, которые упорно вырабатывались национальным историческим опытом и, таким образом, составляли органический, неотъемлемый признак нашей самобытности» [18, с. 6].

Своеобразие русского консерватизма виделось ему в «неодолимом патернализме», свойственном нашим традиционным межличностным и общественным отношениям, а также в таком свойстве отечественного национального сознания, как стремление к «иерархической упорядоченности» при сохранении «слабой вертикальной социальной мобильности». Кроме того, Ю.Н. Солонин отмечал глубину и актуальность идей представителей русского консерватизма, призывая использовать их для решения насущных политических и социальных вопросов, а также проблем культуры. В частности, отечественные консерваторы выявили

одну из существенных причин социальной нестабильности России — культурное разобщение российского общества, обусловленное тем фактом, что высшие слои общества развивались в рамках западноевропейской культурной парадигмы, в то время как народные массы — в традиционалистской.

Одним из направлений постсоветской философии культуры стала танатология, возникшая в результате работы Ассоциации танатологов Санкт-Петербурга, основанной Андреем Витальевичем Демичевым (1957–2000). В.В. Савчук, активный участник и теоретик Ассоциации, впоследствии в ряде своих исследовательских работ предпринял успешную попытку историко-философского осмысления танатологии, проанализировав идейно-организационное становление этого течения. Он показал, что, начав с критики советского идеологического контента, петербургские танатологи вскоре обнаружили собственную проблематику и приступили к её содержательной разработке, создав для этой цели специфический вокабуляр «некропоэтического языка» и стимулировав тем самым появление других, близких танатологии направлений — «новой архаики» и «некрореализма» [19].

В качестве другой вариации культурологической рефлексии можно назвать концепцию «нравственной культуры» Эльмара Владимировича Соколова (1932–2003). Создав в конце 1980-х гг. в ленинградском Доме учёных им. М. Горького научную секцию по «теории культуры» и наладив регулярную работу теоретических семинаров по таким в то время новым темам, как «русская идея», «природа власти», «общество как система», «современный мировоззренческий вакуум и типы мировоззрений», «о преимуществах монархии и демократии», «смысл истории» и т.п., Э.В. Соколов собрал вокруг себя большую группу гуманитариев, остро переживающих перипетии кризисной эпохи и стремящихся найти выход из этой ситуации. Главным принципом «нравственной куль-

туры» и в то же время её условием, согласно Э.В. Соколову, выступает свобода мышления, предполагающая способность человека к суверенному суждению: «Нравственная культура... является выражением свободного разума человека, постоянно ищущего, стремящегося к ясным идеям, но не боящегося признать таинственность мира, реальные противоречия жизни» [20, с. 148]. Эта продуктивная «свобода для» предполагает творческую, ответственную сопричастность личности целому (семье, обществу, культуре) и философскую «заботу о себе», которая состоит в стремлении человека к полноте душевной и духовной жизни. В условиях «здоровой нравственности» [20, с. 133] свободу личности дополняет «диктатура совести», данная не рассудочно-логически и не в социальных установлениях (кодексах, правилах, уставах), но коренящаяся в добротолубии как высшем принципе человеческой жизни [21].

Рецепции и развитие философии Ницше

Важную роль в формировании философии в Петербурге сыграл Вячеслав Юльевич Сухачёв (1955–2016), один из организаторов и идейных вдохновителей «Ницше-семинара». Семинары, регулярно проводившиеся в течение нескольких лет, начиная с 1999 г., на площадке философского факультета СПбГУ под эгидой кафедры философской антропологии и Ассоциации философских обществ Санкт-Петербурга, были своего рода философским знаменем времени. В конце XX в. популярность идей Ницше в России достигает своего апогея, что, с одной стороны, оказало сильное влияние на развитие отечественной философской культуры, а с другой — породило «моду на Ницше», вследствие чего возникло множество поверхностных и даже вульгарных истолкований ницшевской мысли, авторами которых зачастую выступали и профессиональные философы. В этой ситуации, задумав проведение «Ницше-семинара», в работе которого могли бы при-

нять участие абсолютно все желающие, В.Ю. Сухачёв преследовал как минимум две цели: 1) творческое аутентичное развитие философии Ницше и 2) ограждение идей Ницше от «нищезанятия», т.е. противодействие вульгаризации его учения. Не случайно в 2000 г., в юбилейный год со дня смерти Ницше, на обсуждение семинара была вынесена тема «Ницше и Россия: Ницше в русской интеллектуальной культуре». Обе цели, как показывает время, были в основном достигнуты: «Сдерживая агрессию эпохи и удерживая строй мысли, сохраняя духовность ленинградской школы в её культурологическом и антропологическом изводе, “Ницше-семинары” как интуитивно точно сформировавшаяся философская институция (или самоорганизация круга близких философов) задали вектор скрепляющей всё многообразие дискурса идентичности, протеста и личного поиска на стыке либерализма и русской традиции» [22, с. 97].

Исследования истории русской философии

Немаловажными являлись и процессы осмысления русской философской традиции, которые в это время зачастую приобретают приоритетное значение. Стоит вспомнить о том, что именно на философском факультете ЛГУ А.А. Галактионовым и П.Ф. Никандровым впервые в СССР была опубликована «История русской философии» (1961). В этой работе подчёркивалась специфика русской философии в контексте «многообразных связей отечественной философии с западноевропейской научной и философской мыслью» [23, с. 459] и отстаивался тезис о её самостоятельности, а также о растущем влиянии на философскую культуру Европы и мира в целом.

После образования кафедры истории русской философии в университете в 1990 г. разработка новой научной историографии и методологии изучения русской философии продолжилась под руководством известного ученого, заве-

дующего кафедрой истории русской философии (1991–2016) Александра Фазлаевича Замалева (1943). Была выработана новая исследовательская парадигма, основанная на целостном и всестороннем изучении русской философии в контексте глубоких трансформаций, которые происходили в постсоветской философии. Особое внимание уделялось решению вопроса о соотношении универсального и национального в русской философии, определению важнейших категорий и теоретических проблем русской философии, исследованию таких направлений в русской мысли, как антропологизм, морализм, гносеологический реализм, онтологизм, философия политики и права. Русская философская культура стала рассматриваться прежде всего как мир духовного богатства и интеллектуальных поисков, при этом акцентировалось внимание на концептуальном многообразии русской мысли, оригинальности её аксиологии и методологии.

В ряде работ А.Ф. Замалева был реализован культурно-исторический подход к изучению истории русской философии. Критикуя существующие историко-философские методы, А.Ф. Замалеев приходит к выводу, что «нет философии вообще, есть философия отдельных личностей» [24, с. 13], и предлагает свой, «компаративистский» метод, который сочетает в себе, «во-первых, сравнительно-сопоставительный подход, предназначенный для “горизонтального” изучения философии, т.е. выявления общего содержания различных концепций, относящихся к одной и той же исторической эпохе, и, во-вторых, историко-генетический, дающий “вертикальный” срез и позволяющий зафиксировать сходство философских систем как результат их родства по происхождению» [24, с. 16].

Используя этот метод, А.Ф. Замалеев обнаруживает философию не только и даже не столько в собственно философских трактатах (каковых, кстати, было совсем немного в России), сколько в сочинениях, имеющих отношение к богословскому,

литературно-художественному, публицистическому и народному творчеству. Такое расширение предмета исследования напрямую вытекало из принципиального положения, согласно которому философию нельзя рассматривать вне контекста культуры, потому что она всецело является продуктом культуры. История философии, таким образом, обуславливается развитием культуры и отражает парадигмальные трансформации последней. Особенностью русской культуры, полагал А.Ф. Замалеев, выступает её «идеократичность», т.е. она «воплощает определённую идею, которая пронизывает дух и самосознание нации, формирует её мировоззрение и нравственные ориентации» [24, с. 348]. Эволюция культуры происходит вследствие смены идеократических констант (византизм, европеизм, советизм), которые доминируют в соответствующую историческую эпоху. Утрачивая своё доминантное положение, идеократические константы не исчезают,

а продолжают существовать и оказывают определённое влияние на культуру в целом, обуславливая её многогранность. Русская философия также идеократична, и специфика её заключается в разрыве и преемственности различных традиций, каждая из которых одинаково важна для понимания историко-философского процесса.

* * *

В заключение можно сделать вывод о том, что теоретическое наследие ленинградско-петербургской философии второй половины XX в. сохраняет свою особую актуальность в настоящее время и должно быть всесторонне изучено. Без понимания всей диалектической сложности историко-философского процесса в России, в частности в Ленинграде—Петербурге, нельзя сохранить уверенность в том, что последующее развитие российской философской мысли приведёт к позитивным результатам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983.
2. Бранский В.П. Ленинградская школа философии науки // Философия о предмете и субъекте научного познания / Под ред. Э.Ф. Караваева, Д.Н. Разеева. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С. 47–60.
3. Осипов И.Д., Погодин С.Н. Философия науки в современном мире // Философия науки: история и современность / Под ред. И.Д. Осипова, С.Н. Погодина. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2020. С. 3–6.
4. Тугаринов В.П. Философия сознания. М.: Мысль, 1971.
5. Штофф В.А., Шилков Ю.М. О соотношении объяснения и понимания в методологии общественных наук // Философские науки. 1984. № 2. С. 59–67.
6. Осипов И.Д., Рыбас А.Е. Идея гуманной цивилизации в трудах представителей Ленинградской философской школы // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2022. Вып. 3. С. 15–22.
7. Осипов И.Д., Рыбас А.Е. Культура как предметность и горизонт философского мышления в постсоветской России (петербургские сюжеты) // Вопросы философии. 2022. № 12. С. 73–83.
8. Свидерский В.И. О диалектике элементов и структуры в объективном мире и в познании. М.: Соцэкгиз, 1962.
9. Тугаринов В.П. О смысле жизни. Л.: Изд-во ЛГУ, 1961.
10. Тугаринов В.П. Личность и общество. М.: Мысль, 1965.
11. Тугаринов В.П. Философия сознания. М.: Мысль, 1971.
12. Штофф В.А. Моделирование и философия. М.; Л.: Наука, 1966.

13. Бранский В.П. Искусство и философия. М.: Янтарный сказ, 1999.
14. Савчук В.В. Культуролог в России больше, чем философ? // Савчук В.В. Режим актуальности. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 11–25.
15. Соколов Е.Г. Мета-до-логия (методологии) культурологии // Формирование дисциплинарного пространства культурологии: Материалы научно-методической конференции 16 января 2001 г., Санкт-Петербург. Сер. «Symposium». Вып. 11. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 163–189.
16. Каган М.С. Перспективы развития гуманитарных наук в XXI веке // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. К 80-летию профессора Моисея Самойловича Кагана: Материалы международной научной конференции 18 мая 2001 г., Санкт-Петербург. Сер. «Symposium». Вып. 12. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 9–14.
17. Соколов Е.Г. Деконструкция дисциплинарной ортодоксии. К 80-летию Ю.Н. Солонина // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2021. Т. 37. Вып. 4. С. 672–693.
18. Солонин Ю.Н. Предисловие // Введение в проблематику российского консерватизма: Учебное пособие / Ред.: Ю.Н. Солонин, Н.В. Полякова. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2007.
19. Савчук В.В. А.В. Демичев — основатель петербургской танатологии // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2020. № 3. С. 156–164.
20. Соколов Э.В. Нравственная культура как условие формирования здорового общества // Какая философия нам нужна? Размышления о философии и духовных проблемах нашего общества / Сост. Ю.Н. Солонин. Л.: Лениздат, 1990. С. 123–151.
21. Хайдарова Г.Р. У истоков ленинградской философии культуры. Эльмар Владимирович Соколов: обоснование нравственности в философской практике // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2020. Т. 36. Вып. 3. С. 497–510.
22. Савчук В.В., Хайдарова Г.Р. В.Ю. Сухачёв: волеизъявление философа // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2022. Т. 38. Вып. 1. С. 94–109.
23. Галактионов А.А., Никандров П.Ф. История русской философии. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1961.
24. Замалеев А.Ф. Самосознание России: Исследования по русской философии, политологии и культуре. СПб.: Наука, 2010.

Theoretical Heritage of Leningrad / St. Petersburg Philosophy

Igor Dmitrievich Osipov — Doctor of Science (Philosophy), Professor of the Department of History of Philosophy, Institute of Philosophy, St. Petersburg University (SPBU), leader of the project 'Theoretical Heritage of Philosophy in Leningrad/St. Petersburg. Second Half of the Twentieth Century' (20-011-00144).

E-mail: idosipov@mail.ru

Aleksandr Evgenievich Rybas — Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor of the Department of Russian Philosophy and Culture, Institute of Philosophy SPBU, executor of the same project.

E-mail: arybas@spbu.ru

The analysis of the theoretical heritage of philosophical science in Leningrad / St. Petersburg appears relevant for a better understanding of the characteristics of how philosophy was formed and shaped in Russia. There were various philosophical schools and trends (philosophy of science and culture, social philosophy and history of philosophy) in the city, which had a significant impact on the national philosophical science. Of crucial value is the concrete analysis of institutional and socio-cultural aspects of the development of philosophical culture in St. Petersburg, as well as the study of the most important results of the philosophers who worked

in Leningrad/St. Petersburg, the forms and methods of how they mastered the world's philosophical thought – thereby significantly expanding the understanding of the theoretical and axiological features of Russian philosophy and culture.

The paper primarily focuses on the philosophy of science and culture in Leningrad/St. Petersburg in the latter half of the 20th and early 21st centuries, as these philosophical subjects were the ones that caused the significant transformation of philosophical knowledge from dogmatic Marxism to a multitude of different philosophical products. The authors analyse the ideas of members of the Leningrad school of philosophy of science: Vladimir Svidersky, Vladimir Bransky, Vasily Tugarinov, and Victor Stoff; these figures, through the synthesis of scientific and philosophical concepts relevant in Europe of the 20th century and the original interpretation of Marxism, produced solutions to other philosophical problems, thus initiating the emergence of new philosophical subjects. Also, the authors study how philosophy of culture was developing in St. Petersburg, as represented in the studies of: Moisey Kagan, Yury Solonin, Evgeny Sokolov, Valery Savchuk, Andrey Demichev, Elmar Sokolov, Vyacheslav Sukhachyov; as well as the establishment and development of the history of Russian philosophy through the works of Anatoly Galaktionov, Pyotr Nikandrov, Alexander Zamaleev.

Keywords: philosophy of science, philosophy of culture, culturology, Soviet Marxism, identity, freedom, history of Russian philosophy

REFERENCES

1. Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1983 (in Russian).
2. Branskii V.P. Leningradskaya shkola filosofii nauki // Filosofiya o predmete i sub"ekte nauchnogo poznaniya / Pod red. E.F. Karavaeva, D.N. Razeeva. SPb.: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, 2002. С. 47–60 (in Russian).
3. Osipov I.D., Pogodin S.N. Filosofiya nauki v sovremennom mire // Filosofiya nauki: istoriya i sovremennost' / Pod red. I.D. Osipova, S.N. Pogodina. SPb.: POLITEKH-PRESS, 2020. S. 3–6 (in Russian).
4. Tugarinov V.P. Filosofiya soznaniya. M.: Mysl', 1971 (in Russian).
5. Shtoff V.A., Shil'kov Yu.M. O sootnoshenii ob"yasneniya i ponimaniya v metodologii obshchestvennykh nauk // Filosofskie nauki. 1984. № 2. S. 59–67 (in Russian).
6. Osipov I.D., Rybas A.E. Ideya gumannoi tsivilizatsii v trudakh predstavitelei Leningradskoi filosofskoi shkoly // Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsiologiya. 2022. Vyp. 3. S. 15–22 (in Russian).
7. Osipov I.D., Rybas A.E. Kul'tura kak predmetnost' i gorizont filosofskogo myshleniya v postsovetskoi Rossii (peterburgskie syuzhety) // Voprosy filosofii. 2022. № 12. С. 73–83 (in Russian).
8. Sviderskii V.I. O dialektike elementov i struktury v ob"ektivnom mire i v poznanii. M.: Sotsekgie, 1962 (in Russian).
9. Tugarinov V.P. O smysle zhizni. L.: Izd-vo LGU, 1961 (in Russian).
10. Tugarinov V.P. Lichnost' i obshchestvo. M.: Mysl', 1965 (in Russian).
11. Tugarinov V.P. Filosofiya soznaniya. M.: Mysl', 1971 (in Russian).
12. Shtoff V.A. Modelirovanie i filosofiya. M.; L.: Nauka, 1966 (in Russian).
13. Branskii V.P. Iskusstvo i filosofiya. M.: Yantarnyi skaz, 1999 (in Russian).
14. Savchuk V.V. Kul'turolog v Rossii bol'she, chem filosof? // Savchuk V.V. Rezhim aktual'nosti. SPb.: Izd-vo SPbGU, 2004. S. 11–25 (in Russian).

15. Sokolov E.G. Meta-do-logiya (metodologii) kul'turologii // Formirovanie distsiplinarnogo prostranstva kul'turologii: Materialy nauchno-metodicheskoi konferentsii 16 yanvarya 2001 g., Sankt-Peterburg. Ser. «Symposium». Vyp. 11. SPb.: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, 2001. С. 163–189 (in Russian).
16. Kagan M.S. Perspektivy razvitiya gumanitarnykh nauk v XXI veke // Metodologiya gumanitarnogo znaniya v perspektive XXI veka. K 80-letiyu professora Moiseya Samoilovicha Kagana: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 18 maya 2001 g., Sankt-Peterburg. Ser. «Symposium». Vyp. 12. SPb.: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, 2001. S. 9–14 (in Russian).
17. Sokolov E.G. Dekonstruksiya distsiplinarnoi ortodoksii. K 80-letiyu Yu.N. Solonina // Vestnik SPbGU. Filosofiya i konfliktologiya. 2021. T. 37. Vyp. 4. S. 672–693 (in Russian).
18. Solonin Yu.N. Predislovie // Vvedenie v problematiku rossiiskogo konservatizma: Uchebnoe posobie / Red.: Yu.N. Solonin, N.V. Polyakova. SPb.: Izd-vo S.-Peterburgskogo universiteta, 2007 (in Russian).
19. Savchuk V.V. A.V. Demichev — osnovatel' peterburgskoi tanatologii // Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke. 2020. № 3. S. 156–164 (in Russian).
20. Sokolov E.V. Nravstvennaya kul'tura kak uslovie formirovaniya zdorovogo obshchestva // Kakaya filosofiya nam nuzhna? Razmyshleniya o filosofii i dukhovnykh problemakh nashego obshchestva / Sost. Yu.N. Solonin. L.: Lenizdat, 1990. S. 123–151 (in Russian).
21. Khaidarova G.R. U istokov leningradskoi filosofii kul'tury. El'mar Vladimirovich Sokolov: obosnovanie nravstvennosti v filosofskoi praktike // Vestnik SPbGU. Filosofiya i konfliktologiya. 2020. T. 36. Vyp. 3. S. 497–510 (in Russian).
22. Savchuk V.V., Khaidarova G.R. V.Yu. Sukhachyov: voleiz'yavlenie filosofa // Vestnik SPbGU. Filosofiya i konfliktologiya. 2022. T. 38. Vyp. 1. S. 94–109 (in Russian).
23. Galaktionov A.A., Nikandrov P.F. Istoriya russkoi filosofii. M.: Izd-vo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury, 1961 (in Russian).
24. Zamaleev A.F. Samosoznanie Rossii: Issledovaniya po russkoi filosofii, politologii i kul'ture. SPb.: Nauka, 2010 (in Russian).